Вызима, Темерия

Фрингиля Виго перевернулась на кровати и, когда ее рука упала на прохладные простыни, она поняла, что осталась одна. Она приподнялась и осмотрела свою спальню на третьем этаже. Луна была почти полной, и ее лучи проходили сквозь окна, заливая комнату мягким светом. Ее глаза быстро огляделись вокруг, замечая одежду, беспорядочно разбросанную по мебели и полу. Затем ее взгляд переместился вправо. К будуару примыкал небольшой балкон, двойные двери на который были широко открыты. Огромный силуэт, занимавший половину подъезда, неподвижно стоял в лунном свете. Колдунья сбросила с обнаженного тела простыни, выскользнула из постели и на цыпочках тихонько подкралась к тени. Затем она прижалась обнаженной грудью к пояснице Малека и обвила руками его живот.

«Это вторая ночь подряд, когда я просыпаюсь, а тебя нет в моей постели. Мне это не нравится. У тебя обычно проблемы со сном, или это просто потому, что ты в постели со «злым» человеком?» волшебница?" — спросила она, проводя руками взад и вперед по мышцам его живота.

«Нет, мисс Виго. Это не вы. Это... типично», — ответил он.

«Малек, как я сказала вчера вечером, на данный момент, я думаю, что наши отношения вышли за рамки того, что ты называл меня «мисс Виго». Она слегка провела ногтями обеих рук вниз, пока крепко не схватила его.

«А теперь, — промурлыкала она, — возвращайся в постель».

Позже миниатюрная волшебница лежала сверху на Малеке, положив свои влажные от пота волосы и голову ему на грудь.

«Малек?»

— Да, Фрингиля?

«Мне любопытно. Почему ты вчера заставил меня открыть портал в Дол Блатанну? Что ты там делал?»

Когда он не ответил, она спросила: «Государственная тайна?»

«Что-то в этом роде», — ответил он.

"Справедливо." После паузы она задала еще один вопрос. «Ты... ты думаешь, что мы действительно победим Реданию? Или ты тоже не можешь ответить на этот вопрос?»

«Я могу, и... я не знаю. На данный момент это не выглядит многообещающе».

«Если мы этого не сделаем, что станет с Империей?»

«О, Империя выживет... даже если мы никогда не перейдем Понтар... даже если нас отбросят к югу от Яруги, Империя выживет».

— Но не Император?

Малек покачал головой, но потом понял, что она его не видит. «Нет. Сомневаюсь, что он это переживет».

«А ты, Малек, что с тобой станет?»

— Это, Фрингилья, неизвестно.

Затем зеленоглазая женщина приподнялась так, чтобы посмотреть ему в лицо.

«Тебе не следует умирать вместе с Эмгыром, Малек. Ты слишком много знаешь. Ты слишком много делаешь. Ты слишком ценен для Империи».

Малек улыбнулся. «Как мило с твоей стороны так говорить, и я с тобой согласен. Но меня не придется убеждать... если уж на то пошло».

«Значит, ты хочешь сказать, что если бы было очевидно, что конец правления Эмгыра близок, ты бы... дистанцировался?»

Улыбка Малека исчезла, и он схватил крошечные запястья женщины в свои руки.

«Действуйте осторожно, мисс Виго. У этих стен есть уши, и ваши слова легко могут быть ошибочно истолкованы как предательство».

«Нет, Малек, ты меня послушай», — сказала она с силой. «Ни один человек не может быть больше, чем Империя. Она была здесь задолго до его рождения, и она будет здесь еще долго после его ухода. Его дней мало - все это знают, но ваши не обязательно должны быть здесь. Итак, спросите себя - кому вы преданы... ему или Империи?»

Глаза мужчины встретились с Фрингильей. Ей показалось, что она видела, как он лишь слегка кивнул головой, но он ничего не сказал. Но затем она почувствовала что-то безошибочное, и на ее лице появилась улыбка.

— Правда, Малек? Опять?

ooo

— Геральт... можно мне... можно мне поехать с тобой, пожалуйста?

Ведьмак сидел на Плотве под полуденным солнцем и медленно ехал рядом с небольшой крытой повозкой, которую вели Лидиал и Иви. Вторая повозка, которой управляли Бенни и Риен и везла спящего Николая, шла прямо за ними по тропе, ведущей на запад к Ард-Каррай. Повозки и припасы были конфискованы из заброшенной академии, а запасные лошади, тянувшие их, были предоставлены мертвецами Такера. Баркейн был единственным человеком верхом на лошади, ехавшим на противоположной стороне первой повозки, как Геральт. Сироты вместе с Гретель либо ехали в кузове фургона, либо время от времени выходили из него и шли рядом. Геральт предложил проститутке два варианта после того, как нашел ее заточенной в темнице ратуши: либо оставаться за решеткой и надеяться, что кто-нибудь ее найдет, либо пойти с ними. Когда он сказал ей, что она сможет уйти, как только они доберутся до Ард Керрай, она легко приняла решение.

Белый Волк посмотрел вниз и увидел Исаака, парня со шрамами на лице, смотрящего на него. За последние два дня каждый раз, когда маленький караван останавливался перекусить, мальчик находил место рядом с ведьмаком. В первый раз он ничего не сказал. Он просто сидел тихо и слушал разговоры Геральта с окружающими. Но во время второй остановки Геральт спросил у мальчика его имя, и ведьмак вскоре обнаружил, что это была ошибка. Ведь после этого он обнаружил, что парень слишком любознателен, на вкус ведьмака. С тех пор он

задавал охотнику на монстров бесчисленное количество вопросов – почти все они касались его мечей, его боевых навыков, монстров, которых он убил, и тому подобного.

Ведьмак, все еще глядя на мальчика, на мгновение остановился, но наконец ответил: «Конечно, малыш».

Затем он наклонился и с легкостью потянул Исаака вверх и в седло. Эви обернулась и увидела мальчика, сидящего перед Геральтом и прислоненного спиной к груди ведьмака, и на ее лице появилась улыбка.

— Геральт, могу я задать тебе вопрос? — спросил Исаак.

Иви увидела, как Геральт издал слабый вздох, отчего ее улыбка стала еще шире.

«Конечно, малыш. Что ты хочешь знать сейчас?»

Затем он в течение пятнадцати минут подряд забрасывал Геральта потоком вопросов. Все это время ведьмак то и дело смотрел на Эви, которая смотрела на него с теплой улыбкой на лице.

После последнего вопроса Исаака – о ведьмачьей медитации – Геральт сказал: «Знаешь, малыш, я думаю, тебе действительно нужно потусоваться с Иви».

— Почему, Геральт?

«Вы двое очень похожи. Вы оба любите задавать много вопросов. Я думаю, вы — будущий историк».

Мальчик какое-то время молчал. Затем он сказал. «Нет. Я бы предпочел быть с тобой. Я не хочу быть с кем-то, кто задает много вопросов».

Ведьмак кивнул головой. «Да, я понимаю, о чем ты, малыш. Иногда они могут раздражать».

Он посмотрел в глаза Иви, которая прищурилась на него, но ухмылка на ее лице дала понять, что она знала, что он шутит.

Айзек не понял сарказма и продолжил говорить.

«Мне нужно быть с кем-то, у кого есть ответы, а не вопросы».

«Ну, у меня заканчиваются ответы. Думаю, ты спросил меня обо всем, что я знаю».

Айзек больше ничего не говорил в течение нескольких минут. Наконец он спросил: — Лидиал тоже ведьмак?

На лице Геральта появилось озадаченное выражение. «Нет, это не так. Почему ты спрашиваешь?»

«Я видел, как она стояла на коленях и иногда занималась ведьмачьей медитацией. Если она не ведьмак, то что она делает?»

«Она молится».

«О», просто ответил Исаак. «Молиться... это говорить с Богом, верно?»

"Ага."

— О чем именно ты с ним разговариваешь?

«Не знаю, малыш. Я не молюсь. Как насчет того, чтобы ты спросил ее?»

Затем он подвел Роуча ближе к фургону, рядом с Лидиалом и Иви, сидящими на передней скамейке.

— Лидиал, у Исаака к тебе вопрос. На самом деле, наверное, было бы лучше, если бы он для этого сел рядом с тобой.

Затем он поднял маленького мальчика и посадил его на скамейку рядом с Эви, которая лишь покачала головой ведьмаку. Он просто ухмыльнулся ей в ответ. Она встала, позволяя Исааку сесть между двумя женщинами.

— Что ты хотел узнать? — спросил Лидиал.

«В чем разница между тем, что ты делаешь, и тем, что делает Геральт... между медитацией и молитвой?»

«Ну, я не могу говорить по праву о ведьмачьей медитации - тебе придется обсудить это с Геральтом - но я могу поговорить с тобой о молитве. В отличие от обычной медитации, когда я молюсь, я не просто очищаю свой разум или сосредотачиваю свои мысли внутрь. На самом деле я сосредотачиваю все свои мысли вовне — на моем Боге. Я мысленно разговариваю с ним. Его зовут Эссея».

— Почему ты с ним разговариваешь?

«Ну, потому что он не только мой Бог, но и мой защитник и кормилец. Он также мой лучший друг. У тебя есть лучший друг?»

Исаак покачал головой, и на его лице появилось грустное выражение. "Раньше я."

«Мне очень жаль. Как звали твоего лучшего друга?»

"Билли."

«Тебе нравилось проводить время с Билли, играть вместе, говорить о разных вещах?»

«Да, он был великолепен».

Лидиал кивнула головой. «Друзья важны. Очень важно проводить с ними время. И это одна из причин, по которой я молюсь. Это я провожу время со своим лучшим другом Эссеей. Ты понимаешь?»

«Думаю. Хотя это не очень-то весело», — ответил он. «Почему ты стоишь на коленях?»

«Ну, мои родители учили меня, что в те времена, когда я молюсь, я должен преклонять колени перед Эссеей в знак почтения и уважения. Смирненно склоняться перед ним, чтобы показать, что он мой Царь. и Господь. Но, честно говоря, большую часть времени, когда я молюсь, я не встаю на колени, потому что это просто непрактично, поскольку я разговариваю с ним весь день. Как я уже сказал, он мой лучший друг».

«Когда ты с ним разговариваешь, ты спрашиваешь его о чем-то?»

«Ну, и да, и нет. Бог — это не просто какой-то джин, к которому вы обращаетесь только тогда, когда чего-то от него хотите. Молитва — это нечто большее, чем это, но да, я действительно прошу его о вещах — присматривать за своими близкими, чтобы защитить нас от зла, поддержать нас в трудные времена. Но часто я буду молиться и ни о чем не буду просить его. Я просто расскажу ему, что у меня на сердце и на уме. Мои тревоги и страхи. Скажи ему что я благодарен ему за вещи, которые он прислал и которые приносят мне радость».

«Если он Бог, разве он уже не знает всего этого?»

Лидиал рассмеялся. «Ну да, он любит, но... я считаю, что я его ребенок, и, как любой хороший отец, он хочет, чтобы я пришел к нему и поговорил с ним — даже если он уже знает все, что происходит в моей жизни».

— Он когда-нибудь говорил тебе что-нибудь в ответ?

Она покачала головой. «Нет, не совсем. Он открывается мне, всем, через свое творение — через мир, звезды, луну. И на протяжении многих лет я считаю, что он говорил напрямую с конкретными людьми. Он давал прямое откровение определенным пророкам и священникам, которые, в свою очередь, записывали то, что он открывал о себе и своем характере. Но конкретно мне он никогда ничего не открывал. И поэтому священные писания... — и при этом она вытащила из сумки ессейский том это было рядом с ней. «Вот почему эта книга так ценна и важна. Это основной способ, который он выбрал, чтобы рассказать нам о себе. Читая ее, мы узнаем Бога, узнаем, кто он на самом деле. И именно через познание Его я действительно могу любить его... потому что, Исаак, ты не можешь по-настоящему любить того, кого не знаешь. Что бы это ни было за чувство... это не настоящая любовь. Вот почему я читаю это каждый день, чтобы лучше понять кто он, какие у него обещания и как я могу прожить жизнь, которая его чтит».

Она посмотрела в лицо Исаака, и он просто кивнул ей.

«Извините. Кажется, я немного не по теме. Как вы думаете, вы поняли, или у вас есть еще вопросы?»

Он покачал головой. «Нет. Думаю, я понял. Ты молишься, чтобы поговорить с ним, и читаешь эту книгу, чтобы услышать, как он разговаривает с тобой. Верно?»

Лидиал улыбнулся и кивнул. «Да. Это довольно близко».

В этот момент Исаак услышал смех детей, игравших на дороге позади него. Он встал на скамейке и посмотрел в их сторону. Мгновение спустя он повернулся к Лидиалу.

«Спасибо, Лидиал, за объяснение молитвы». Затем он посмотрел на Геральта. — Ты тоже, Геральт.

Затем он спрыгнул с повозки и побежал обратно к остальным.

Эви повернулась к Геральту и улыбнулась. «Милый малыш. И ты тоже милый, будучи таким терпеливым с ним. Я знаю, что это, должно быть, сводит тебя с ума, отвечая на все его вопросы».

Ведьмак оглянулся на детей, бегающих вокруг другой повозки, затем посмотрел на Эви и

слегка пожал плечами.

«Я помню, каково это... расти без родителей. Так что...» Он не закончил свою мысль. «В любом случае, он не первый ребенок, с которым я когда-либо имел дело. Цири была примерно его возраста, когда я ее взял».

«Какая она была?»

Он покачал головой. «Ничего подобного ему. Она не задавала вопросов. Она предъявляла требования. Она была... избалованной, упрямой маленькой принцессой... в буквальном смысле. К счастью, она по большей части переросла это, но это заняло довольно много времени».

«Я удивлен, что у тебя хватило терпения иметь с ней дело».

Белый Волк кивнул головой. «Да, мне тоже. Временами с ней было трудно. Но... она была всего лишь маленьким ребенком - потерянным, одиноким... напуганным. Ей нужен был кто-то, кто защитил бы ее, полюбил бы ее».

Геральт, даже не осознавая этого, протянул левую руку и схватил медальон Цири в виде волчьей головы, привязанный к петле для ремня на его штанах. Через мгновение он снова заговорил, но при этом смотрел прямо перед собой.

«Она тоже была сиротой — или, по крайней мере, ей так казалось», — сказал он очень тихо, как будто говорил только сам с собой.

На какое-то время он погрузился в свои мысли, а затем повернулся и снова посмотрел на детей. Из девяти Исаак был единственным, у кого в группе не было хотя бы одного брата или сестры. За последние два дня ведьмак видел, как они все общались, будь то игра, прием пищи или подготовка ко сну, а Исаак всегда казался немного отстраненным от себя. Это не было очевидно. Он не был изолирован, но всегда казалось, что он находится на периферии. Геральт не был уверен, был ли это выбор Исаака или нет, но он явно не был таким сплоченным членом группы, как остальные. Он всегда казался немного неуверенным в себе - неуверенным в своей роли, неуверенным в своем месте. Возможно, поэтому мальчик так явно привязался к ведьмаку.

Геральт, конечно, мог понять. Всю свою жизнь он чувствовал себя изгоем. Как ведьмак - мутировавший человек - он никогда не вписывался ни в одну группу. Люди презирали его из-за его мутаций, нелюди не доверяли ему, потому что он был человеком, а разумные «монстры» боялись его из-за его профессии. И, по правде говоря, он всегда даже чувствовал себя немного чужаком среди большинства ведьмаков. Он никогда не чувствовал, что действительно принадлежит чему-либо - кроме как на Пути, в одиночестве. Но ситуация начала меняться в последние несколько недель, когда он осознал, что Бог в какой-то момент протянул руку и таинственным образом коснулся его. И он знал, что это вовсе не случайность, что это осознание совпало с появлением в его жизни Иви, а вскоре после этого и Лидиала. Он не сомневался, что все это как-то связано.

Размышление обо всем этом - о Боге, сиротах и изгоях - заставило его задуматься об исключительности религии Вечного огня, и тогда ему в голову пришел вопрос. Вопрос, на который он хотел получить ответ. Отойдя от своих мыслей, он увидел, что Роуч немного отступил во время своего самоанализа. Он слегка сжал ее ногами, и она ускорила, чтобы снова поравняться с Иви и Лидиалом. Иви с беспокойством посмотрела на Геральта.

"Ты в порядке?" она спросила.

Он кивнул. «Да», — ответил он, и затем на его лице появилась легкая ухмылка. — Хотя теперь... думаю, моя очередь задать Лидиалу несколько вопросов.

«Нет проблем», — сказала эльфийка с собственной улыбкой. "Что у тебя на уме?"

«Одним из последних слов, которые Йорвет сказал мне, было то, что Эссеа был Богом Эн Сейдхе. И я слышал, как ты говоришь - и в твоей книге говорится - что Эйн Сейдхе - его избранная нация. Что именно это означает? - его избранная нация?»

«Ну, мы считаем, что он выбрал нас из всех рас, чтобы иметь с ним особые и уникальные отношения. К сожалению, на протяжении веков этот факт заставил многих Aen Seidhe стать высокомерными. Они считают, что наш особый статус каким-то образом это связано с некоторыми великими качествами, которыми мы обладаем, которых нет у других рас».

— Я так понимаю, ты в это не веришь.

«Вовсе нет. Наши самые ранние исторические писания показывают Эн Сейде не как могущественную, завоевательную нацию, а как скромных, скромных, голодающих рабов. И именно в этот момент Эссеа решил открыться нашему лидеру, Крейдемху. Мы были слабой, избитой, угнетенной нацией, которую он выбрал нас. Он избавил нас от рабства. Он защитил нас, когда мы пересекли опасный океан. Он привел нас на континент и помог нам процветать на протяжении веков. Итак, я честно не знаю, откуда взялась вся эта гордость Aen Seidhe, но те, у кого она есть, явно забыли нашу историю. Правда в том, что не должно быть такого понятия, как высокомерный верующий Эссеи».

Геральт кивнул головой. «Хорошо. Итак, он выбрал тебя, когда ты был нацией рабов. Но выбрал тебя для чего - для какой конечной цели?»

«Честно говоря, я не знаю наверняка. Как я уже говорил Исааку ранее, я не один из его пророков. Он никогда не говорил со мной напрямую, но... я верю - основываясь на том, что я читал - что его план состоит в том, чтобы раскрыть себя, раскрыть свое величие всему миру через нас».

«Что? Зачем ему вообще это нужно? Разве он не может просто открыться тому, кому захочет?»

«Конечно. Наш Бог на небесах, и он может делать все, что пожелает. Я не знаю, почему он выбрал это в качестве своего плана. И я даже не понимаю этого на самом деле. Я просто знаю, что это так».

«Итак, позвольте мне внести ясность. План Эссеи состоит в том, чтобы раскрыть себя вам, Эн Сейдхе, а затем Эйн Сейдхе должны рассказать о нем остальному миру?»

«Более или менее, да».

В этот момент глаза Геральта сузились. «Ну, я бы сказал, что это «меньше». Если таков план, то вы, эльфы, серьезно провалили свою часть. За свой век жизни я объездил весь этот континент, встретил сотни и сотни Аэн Сейдхе, а об Эссее я услышал только две недели назад. Какого черта вы, эссеи, делали последние двенадцать столетий? Черт, всего за двенадцать месяцев фанатики Вечного огня распространили имя своего бога по всему Каэдвену».

«Геральт!» — прошептала Эви, выглядя смущенной.

«Все в порядке, Иви. Он прав». Затем она снова посмотрела на Геральта. «Ты прав, Геральт. Я

не буду нас защищать. И я виновен не меньше остальных. Нам нет оправдания. города, в конечном итоге отпали бы от веры – если бы они этого еще не сделали. Я думаю, что остальные из нас, чтобы бороться с этим, отреагировали в противоположной крайности. Чтобы не быть поглощенными человеческой культурой, мы решили. Вместо этого изолируйте себя. Но я не верю, что какой-либо из этих вариантов действий – поглощение или изоляция – является тем, к чему нас призывает Эссея. Поглощение дает нам много людей, с которыми можно поговорить, но нам нечего сказать им существенного. И несмотря на изоляцию, у нас все еще есть изменяющие жизнь новости об Эссее, но не с кем ими поделиться. Итак, вы правы, мы проделали паршивую работу по распространению великих новостей о нашем Боге с миром вокруг нас. "

Ведьмак долго ничего не говорил. Он просто смотрел вдаль, дыша очень медленно и глубоко. Иви и Лидиал тоже не разговаривали. В тишине они слышали стук колес телеги и стук лошадиных хвостов, смахивающих с их спин мух.

Наконец Геральт снова посмотрел на Лидиала. На взгляд Иви, он выглядел немного спокойнее.

«Итак... хотя Аэн Сейдхе — его избранный народ, ты говоришь, что он, очевидно, Бог для всех. Что он примет всех, даже... такого мутанта, как я».

Лидиал кивнул. — Да, Геральт, он это сделает.

«И почему именно ты в это веришь? На каком основании? Просто потому, что ты этого хочешь?»

Она покачала головой. «Нет. Потому что он так говорит в своих писаниях».

Геральт кивнул. «Можете ли вы привести мне пример?»

«Я могу. Дай мне минутку».

И тогда Лидиал отдал бразды правления Иви, чтобы она могла схватить фолиант. В конце концов она нашла страницу, которую искала.

«Это одно из наших хвалебных стихотворений», - сказала она.

«Благословен, Эссея, да помилуешь нас и благословишь нас, и сияешь лицом Твоим над нами, чтобы пути твои были известны по всей земле, спасение твое среди всех народов.

Ты, Эссея, отец сирот, защитник вдов и спаситель угнетенных.

Вы рассказываете одиноких по семьям и выводите пленных пением.

Пусть все расы хвалят Тебя, о Святой Боже; Пусть все народы радуются и поют о тебе, ибо ты правишь всей землей праведно и справедливо.

Ни от кого, пришедшего к тебе, ты никогда не отвернешься».

Геральт немного помолчал, прежде чем спросить. «И кто это написал?»

«Отец народа Аэн Сейдхе. Наш первый пророк и жрец, Крейдемх».

— С кем говорила Эссея?

«Среди прочих. Да».

«И почему кто-то должен верить, что этот Крейдемх не был просто каким-то сумасшедшим, выдумывающим чепуху? Я имею в виду, что мир полон людей, утверждающих, что Бог говорил с ними, верно?»

«Вы правы. Но большая часть того, что записал Крайдамх, была не только тем, что Эссеа открыл исключительно ему. Он задокументировал все обещания, которые Эссеа дал нации Аэн Сейдхе – разрывая их цепи рабства, снабжая их кораблями для пересечения Великое море, дающее им собственную землю. Он писал обо всех чудесах Божьих – о дожде огненных метеоритов с неба, обеспечении пропитания в течение многих лет в океане после того, как первоначальные запасы пищи закончились, вызывая гигантскую приливную волну. безопасно разместить корабли на берегах континента вместо того, чтобы позволить им разбиться о скалистые утесы... и многое другое. Это были чудеса, свидетелями которых стали тысячи Аэн Сейдхе. Так что, если бы он просто писал мифические истории, его бы звали Но нет никаких доказательств того, что он когда-либо был».

Ведьмак кивнул головой. «Хорошо. Это имеет смысл. Вы не возражаете, если я это прочту?»

«Конечно, нет», — ответил Лидиал, прежде чем передать фолиант Иви, которая передала его Геральту.

Спустя всего мгновение они оба услышали глубокий вздох ведьмака.

«Я пытался читать эту книгу в ту первую ночь в твоей каюте. Тогда я не мог ее понять. Не могу понять ее лучше и сейчас, при свете дня. Я могу разобрать только каждое второе слово или около того». Затем он вернул книгу Иви.

— Геральт, ты в порядке? — спросила Эви.

Он посмотрел ей в глаза, а затем покачал головой. "Нет я не."

"В чем дело?"

«Честно говоря, я не знаю. Я просто чувствую... не знаю... беспокойство».

«Могу ли я помочь тебе? Хочешь поговорить?»

Он снова покачал головой. «Нет. Думаю, мне просто нужно немного побыть наедине со своими мыслями. Хорошо?»

«Хорошо. Просто знай, что я здесь ради тебя».

Геральт кивнул и пустил свою кобылу галопом. Иви смотрела, как ведьмак удаляется по тропе, под копытами Плотвы поднимались небольшие облака пыли.

Лидиал протянула руку и хлопнула внучку по колену. «С ним все будет в порядке. Я собираюсь помолиться за него. Хотите присоединиться ко мне?»

Иви кивнула головой и схватила Лидиала за руку.

ooo

Северная Редания

Филиппа Эйльхарт сидела в своем замке в Монтекальво. Несмотря на все усилия короля Радовида сравнять дом волшебницы с землей, ее магическая защита по большей части сдерживала атаки. По крайней мере, они сдерживали их достаточно долго, чтобы солдаты и инженеры поняли, что для завершения работы им понадобится гораздо больший арсенал. А поскольку почти все реданские военные силы и вооружение были необходимы на фронте, то снести крепость в то время было просто невозможно. Таким образом, Филиппа сидела в полуразрушенном и темном замке, что, честно говоря, соответствовало ее настроению после последней стычки с Малеком во дворце Дол Блатанна.

Она сидела за столом в своем просторном личном кабинете и библиотеке, но она была не одна. На маленьком диване напротив нее сидел Оран Эйльхарт — ее старший брат, коллега по магии и убийца, известный как Призрак. Его магические способности были лишь незначительной частью способностей его сестры, но, учитывая, что Филиппа была одним из самых могущественных пользователей магии на планете, типичному магу нечего было смущаться. Практически сила и способности каждого мага бледнели по сравнению с ее. Однако, поскольку явно превосходящая волшебница оказалась его младшей сестрой — на два года младше его — это принесло очень мало пользы их и без того сложным отношениям.

Филиппа и Оран на самом деле были близки в детстве, они вместе росли в ветхой хижине в лесу на севере Редании. Это была та хижина, которую она несколько десятилетий спустя снесла и на месте которой сейчас стоит ее нынешний замок. Избиения пьяного отца-вдовца, казалось, укрепляли узы взаимопонимания и товарищества между двумя детьми Эйльхарта, и Оран всегда делал все возможное, чтобы встать между отцом и младшей сестрой, когда их отец был в безумном состоянии. Но немногие мальчишки, не достигшие половой зрелости, могут противостоять взрослому мужчине, и как только Оран был избит и отброшен в сторону, ничто не могло помешать Филиппе стать следующей.

Со временем избиений становилось все меньше и меньше, но не потому, что господин Эйльхарт научился контролировать своих демонов. Во-первых, они быстро научились различать настроение отца, предвидеть избиение и прятаться в лесу до следующего утра. Но, во-вторых, и еще более тревожным, было то, что папа Эйльхарт нашел другой выход для своей сдерживаемой ярости, а именно, посещения постели юной Филиппы. Эти ночные визиты продолжались долгое время, пока однажды ночью Оран не натолкнулся на них двоих. В следующий раз, когда его отец потерял сознание в пьяном угаре, двенадцатилетний Оран вонзил секатору горло отца. Затем он и Филиппа бросили тело в близлежащую реку.

На следующую ночь десятилетняя Филиппа проскользнула в кровать Орана и выразила свою благодарность старшему брату, показав ему все, чему она научилась у самого дорогого папы. Орану было противно и стыдно. Не за то, что она пыталась сделать, а потому, что он позволил ей. И в течение следующих нескольких месяцев он ни разу ее не остановил. Хотя Оран всегда любил свою младшую сестру, он обнаружил, что тоже влюбился в нее.

В конце концов, пришла двоюродная бабушка и забрала их жить к себе, и вскоре после этого обоих детей Эйльхарта отправили в свои магические академии, хотя Оран еще не закончил свое образование в Бан Арде. Несколько лет спустя они встретились снова, и Оран надеялся, что они смогут продолжить с того места, на котором остановились. Но его надежды быстро рухнули. Молодую женщину перед ним он едва узнал, и не просто из-за изменения внешности — хотя она явно превратилась в потрясающе красивую женщину. Чего он не узнал, так это отстраненной, надменной волшебницы, которая, казалось, почти не хотела уделять ему время. Она вела себя так, как будто он был надоедливым незнакомцем, а не братом, который любил ее и старался изо всех сил защитить ее. Когда он предложил провести ночь вместе, она отвергла его высокомерным смехом. С тех пор их отношения были непростыми и практически не

существовали.

«Хорошо, сестра. Ты привела меня сюда. Итак, чего ты хочешь? И сделай это побыстрее. У меня есть дело, к которому нужно вернуться».

«О, да. Возглавляете свою веселую банду головорезов. Ростовщики, вымогатели у владельцев малого бизнеса, бегают уличные шлюхи. Вы стали настоящим предпринимателем».

«Иди пахай сам. Ты думаешь, что ты намного лучше меня? Ну, по крайней мере, меня не ругает вся моя страна. Все знают, что ты убил короля Визимира. Спасибо, что передал королевство его невменяемому ребенку, ты интриган. сука.»

«Очаровательный, как всегда, Оран».

«И поэтому ты привел меня сюда - просто чтобы посмеяться надо мной? Знаешь, что... ты заслуживаешь того, что имеешь. Большинство реданцев просто желают, чтобы у тебя было нечто большее, чем просто выколотые глаза». Оран сердито стоял, глядя на сестру. «Я должен был знать, что лучше не приходить сюда», — прорычал он, поворачиваясь к открытой двери, ведущей в холл. Однако прежде чем он успел туда добраться, двери захлопнулись. Он даже не удосужился попытаться их открыть. Он знал, что не сможет одолеть магию Филиппы, поэтому просто обернулся и увидел, что она теперь стоит за своим столом.

«Боюсь, что, как обычно, мы начали неудачно. Позвольте мне извиниться».

Услышав это, Оран нахмурил бровь.

«Ты ни разу не извинилась передо мной - ни за что. Чего именно ты хочешь, Филиппа?» — спросил он с подозрением, исходящим из каждого слова.

Волшебница обошла стол, села на диван и хлопнула по подушке рядом с собой.

«А сейчас мне бы хотелось, чтобы мой старший брат сел рядом со мной. Позвольте мне показать вам, насколько я раскаиваюсь», - сказала она с легкой улыбкой.

Оран стоял неподвижно, глядя на свою сестру - ту, которую он ненавидел и которую все еще любил. В конце концов он подошел к дивану, ненавидя себя за то, что она все еще держит его.

ooo

Тресса, сидевшая между Бенни и Риен на переднем сиденье второй повозки, смотрела, как ведьмак уезжает один. Несмотря на то, что она путешествовала с ним последние сорок восемь часов, сейчас ей было не более комфортно рядом с ним, чем тогда, когда они впервые встретились. Конечно, она могла признать, что первое впечатление было трудно преодолеть и что их первая встреча оказалась очень непростой. Он пришел в замок, чтобы убить монстра... мужчину... которого она любила. И хотя он пощадил Риен и хотя теперь, казалось, изо всех сил старался помочь им всем, она все равно не доверяла ему, потому что не могла вытащить из себя ту первоначальную конфронтацию в подземельях. разум.

— Бенни, как давно ты знаешь ведьмака? она спросила.

«Ох... по крайней мере, пятьдесят лет»

«Вы двое друзей?»

Маг почесал подбородок и посмотрел вверх. «Ну... он не типичный друг, но да, я бы считал нас друзьями - по крайней мере, дружескими знакомыми».

«Что вы подразумеваете под словом «типичный»?»

«Последний раз я видел его почти десять лет назад. Так что мы не из тех друзей, которые постоянно поддерживают связь. Вот что я имею в виду. Но я доверяю ему свою жизнь».

"Что, как?" — спросила она недоверчиво.

«Несмотря на мифы о ведьмаках, в Геральте есть доля доброты».

«Но он собирался позволить тебе - его другу - умереть в темницах. И он собирался убить Риена, даже несмотря на то, что он убил этих людей только для того, чтобы защитить нас. И не только это, я почти уверен, что он был даже готов убить нас - меня и Лукаса - чтобы добраться до Риена. Как ты можешь говорить, что он хорош?»

«Я понимаю вашу точку зрения, но вы видите только одну часть головоломки».

"Что ты имеешь в виду?"

«Независимо от того, что думают люди, он старается поступать «правильно» - по крайней мере, в соответствии с его определением «правильного». И несмотря на то, что иногда он совершает поступки - например, убийства - которые другие люди считают сомнительными, он оказывает ему определенную честь. Помните - он пытался дать Риен шанс выговориться, верно?»

Тресса неохотно кивнула головой.

«И чего вы не видели, так это того, что он пытался - дважды - отговорить меня идти с ним в Академию. Он знал, что это будет потенциально опасно, и он не хотел, чтобы со мной что-нибудь случилось. ... Но я сказал ему, что все равно пойду. И так, я знал, на что ввязываюсь».

Девушка-подросток позволила своим глазам устремиться к горизонту, размышляя над тем, что он только что сказал. Наконец, у нее возник еще один вопрос. «Когда Риен взял тебя в свои руки, ты сказал ведьмаку: «Делай то, что должен». Ты действительно это имел в виду?»

Бенни кивнул и рассмеялся. «Да. Я, очевидно, не хотел умирать, но я также знал ситуацию и не хотел, чтобы Геральт чувствовал себя виноватым, если дела пойдут плохо. В конечном итоге он был там, потому что пытался спасти людей, которых он заботился, и, как я уже сказал, он пытался отговорить меня от поездки с ним. Так что это была моя вина, что Риен набросилась на меня».

Риен посмотрел на Бенни и кивнул головой.

«Пусть это будет для тебя уроком, Тресса. Прежде чем ты попадешь в опасную ситуацию, тебе лучше подсчитать затраты и просчитать риски. И затем, если ты все равно решишь прыгнуть, то столкнешься с последствиями». с достоинством. Не нойте и не жалуйтесь, что не знали, во что ввязываетесь».

В этот момент Бенни взглянул на Риен, но глаза девочки-подростка устремились в сторону прерии вокруг них и пропустили его взгляд.

«Значит, ты говоришь, что он действительно позволил бы тебе умереть и действительно убил бы нас и Риен, чтобы спасти Иви?»

«Этого я не знаю. Возможно, но сейчас мы имеем дело с гипотезами».

«Ну, это не заставляет меня доверять ему слишком сильно – даже если ты доверяешь. Как я могу доверять тому, кто готов убить невинного человека только для того, чтобы получить то, что он хочет?»

«Это ваше право – не доверять ему и не любить его, но я думаю, вы слишком много внимания уделяете тому, что он мог сделать, а не тому, что он на самом деле сделал. Он пытался отговорить меня от встречи с ним, потому что был обеспокоен с моей безопасностью; он дал Риену шанс на переговоры; он мог бы легко зарезать вас и Лукаса своим клинком, но вместо этого он просто использовал Знак; и он действительно сохранил жизнь Риен, хотя вся цель похода туда должен был отрубить ему голову. Если вы хотите не любить его за то, что он может быть грубым и отстраненным, пусть будет так. Но вы не можете не любить его за то, что он бездумный убийца, убивающий невинных подростков – потому что это явно не так» .

Тресса вздохнула. «Да, я так думаю. Значит... он не опасен?»

Бенни снова рассмеялся. «О, нет. Он очень опасен. Но не больше, чем человек, рядом с которым ты сейчас сидишь... но ты все еще доверяешь ему, верно?»

Она посмотрела на Риен, а затем снова посмотрела на Бенни с легкой улыбкой. «Думаю, я понимаю вашу точку зрения».

ooo

Геральт стоял на вершине небольшого холма, возвышавшегося над дорогой на Ард-Каррай. Роуч был рядом с ним, жевая густую зеленую траву, покрывавшую холмистую местность центрального Каэдвена. В этом районе было не так уж много деревьев, поэтому он мог легко увидеть караван из двух повозок, находившийся примерно в полумиле от него, медленно двигавшийся на запад. Разговор с Лидалиом вызвал противоречивые чувства, и его мысли и эмоции смешались в голове. Ему просто нужно было время побыть одному, чтобы разобраться с ними. Затем он понял, что не был один уже почти две недели, и исторически сложилось так, что слишком долгое пребывание среди слишком большого количества людей – как камешек в ботинке – в конечном итоге бесконечно раздражало его.

Глядя на передний фургон, в котором ехала Иви, он продолжал прокручивать в голове некоторые фрагменты разговора. Очевидно, в какой-то момент он разозлился – разозлился на то, что Эн Сейдхе обладали знаниями о Боге, которые они держали в тайне и в тайне. Он подумал о том, насколько эгоистично они поступили так. Это было бы равносильно тому, как если бы он наткнулся на волшебный фонтан, который мог исцелить все виды болезней и недугов, и вместо того, чтобы пойти и рассказать другим об этой удивительной новости, он просто оставил ее при себе. Он вспомнил то время, когда ему было двадцать с лишним лет, когда он потратил столько энергии, исследуя всех разных богов всех разных культур.

Он задавался вопросом, насколько другими были бы последние восемьдесят лет его жизни, если бы какой-нибудь эльф из Аэн Сейдхе просто рассказал ему тогда об Эссее. Конечно, если бы Бог действительно был всемогущим, как надеялся Геральт, тогда ему пришлось бы признать, что Бог, в конечном счете, контролировал и это. Должно быть, у него была какая-то причина до сих пор не открыться Геральту. Ведьмак просто этого не понимал, а ему хотелось понять. Он устал от замешательства, и именно так он себя чувствовал последние несколько

недель. Ему казалось, что весь его взгляд на жизнь перевернулся с ног на голову – тот факт, что он до сих пор не спал с Иви, был лишь одним из многих очевидных примеров. Раньше он отвел бы ее в постель при первой же возможности.

Его гнев на Aen Seidhe в конце концов рассеялся и сменился чувством оптимизма, поскольку их дискуссия продолжалась. И теперь, полчаса спустя, именно на этой надежде он сосредоточился. Была одна строчка, прочитанная ему Лидиалом, которая постоянно крутилась у него в голове, и именно эта строчка побудила ведьмака сделать то, чего он никогда не делал за свои сто лет. Он молился. Он не стал на колени. Он даже не склонил головы. Он просто закрыл глаза, глубоко вдохнул и, медленно выдохнув, заговорил вслух.

«Боже... «Никто из пришедших к Тебе не отвернётся»... верно? Итак... вот я. Я убежден, что Ты существуешь, но... Мне нужна ясность, потому что я не знаю, кто Ты. Я» Я начинаю верить, что ты Эссея, но... я просто не уверен. Мне нужно... мне нужно, чтобы ты открылся мне... каким-то образом... чтобы я мог знать .

В этот момент он сделал длительную паузу. Затем медленно открыл глаза и осмотрел небо. Увидев только чистое небо, усеянное тонкими облаками, на его лице появилась легкая улыбка.

«Значит, никакой молнии или раската грома?» Он кивнул головой. "Хорошо."

Сделав еще один глубокий вдох, он снова закрыл глаза и закончил. «Я не знаю, как положить конец одной из этих вещей, так что... я думаю... спасибо, что выслушала».

Ведмак открыл глаза, и они автоматически поплыли вверх. Он увидел тонкие облака, медленно скользящие по ярко-голубому небу, а затем его взгляд опустился, чтобы увидеть высокую траву холмистой равнины, покачивающуюся на легком ветру. Долгое время он оставался неподвижным, просто мирно стоял под теплым полуденным солнцем, спокойно слушая в ушах мягкий шелест ветерка и ощущая его освежающее прикосновение на своем лице. В конце концов он слегка кивнул самому себе, сел на Роуча и медленно поехал вниз по пологому склону холма к каравану – к своей возлюбленной и остальной разношерстной команде изгоев и сирот.

<http://tl.rulate.ru/book/100010/3415836>